

УДК 172.1/378

ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТЬ ИЛИ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ? О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОСМЫСЛЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПУТАНИЦЕ

Волобуев А.В.,

Кузина Е.С.,

Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме фундаментализма и кризиса системы образования в России. Авторами продемонстрировано субъективное восприятие кризиса образования либо как общественного института в целом, либо как конкретной образовательной системы в конкретных исторических обстоятельствах. Целью исследования является установление или опровержение наличия фундаменталистских тенденции в современном российском образовательном дискурсе, а также выявление правомерности употребления термина «фундаментализм» по отношению к философии образования и педагогике. Методами исследования являются кейс-стади, сравнительный текстологический анализ, историко-культурологический и компаративистский методы. Авторы указывают на то, что понятие «фундаментализм» берёт своё начало в герменевтике и имело изначально сугубо специальное значение, обозначая буквальное прочтение религиозного текста. К концу XIX в. термин вышел из рамок узкоспециализированной философской и теософской литературы. В настоящее время этим термином обозначают обширный спектр религиозных и политэкономических убеждений, сводимый к буквальному толкованию определённого текста, признаваемого сакральным или доктрины, почитаемой за таковую; не приемлющих либерализацию и предлагающих решить острые социальные проблемы путём возврата к прошлому, в котором данной проблемы не существовало. К фундаменталистским обычно относят, например, евангелические учения в США, салафизм в суннитском исламе, а также некоторые нерелигиозные учения, например, рыночный фундаментализм в США. Авторами анализируется набор конкретных ситуаций, связанных с, на первый взгляд, ошибочным использованием термина «фундаментализм» в российских научных статьях в качестве обобщения фундаментальности и академичности образования. Авторами обосновывается позиция, согласно которой применение этой характеристики вовсе не является ошибочным, а представляет собой проявление некоторых черт специфической формы фундаментализма – академического фундаментализма.

Ключевые слова: образование, философия, фундаментализм, академический фундаментализм, научный фундаментализм, философия образования, социальная философия

FUNDAMENTALITY OR FUNDAMENTALISM? ON SOME ASPECTS OF UNDERSTANDING HIGHER EDUCATION IN RUSSIA AND TERMINOLOGICAL CONFUSION

Alexey V. Volobuev,

Elena S. Kuzina,

Financial University under the
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of fundamentalism and the crisis of the education system in Russia. The authors demonstrated the subjective perception of the crisis of education either as a social institution as a whole, or as a specific educational system in specific historical circumstances. The purpose of the study is to establish or refute the presence of fundamentalist tendencies in modern Russian educational discourse, as well as to identify the legality of the use of the term "fundamentalism" in relation to the philosophy of education and pedagogy. Research methods are case-herds, comparative textual analysis, historical-cultural and comparative methods. The authors point out that the concept of "fundamentalism" originates in hermeneutics and had a purely special meaning, denoting a literal reading of a religious text. By the end of the 19th century. the term came out of the framework of highly specialized philosophical and theosophical literature. Currently, this term denotes an extensive range of religious and political economic beliefs, reduced to a literal interpretation of a certain text recognized as sacred or doctrine revered for such; those who do not accept liberalization and offer to solve acute social problems by returning to a past in which this problem did not exist. Fundamentalists usually include, for example, evangelical teachings in the United States, Salafism in Sunni Islam, as well as some non-religious teachings, for example, market fundamentalism in the United States. The authors analyze a set of specific situations related, at first glance, to the erroneous use of the term "fundamentalism" in Russian scientific articles as a generalization of the fundamentality and academicity of education. The authors justify the position that the application of this characteristic is not at all erroneous, but is a manifestation of some features of a specific form of fundamentalism - academic fundamentalism.

Keywords: education, philosophy, fundamentalism, academic fundamentalism, scientific fundamentalism, philosophy of education, social philosophy

Термины «фундаментализм» и «академический» кажутся весьма далёкими друг от друга, а фундаментализм и высшее образование выглядят, скорее, антагонистами. И тем не менее в некоторых академических публикациях последних лет они могут идти вместе, когда речь идёт о попытках осмысления пути выхода из кризиса отечественного образования.

На данный момент трудно найти в отечественной педагогике и философии образования обзорную статью или монографию, которая так или иначе не исходила из кризиса образования, либо как общественного института вообще, либо как конкретной системы в конкретных исторических обстоятельствах. Разберём один из подобных примеров. «Мировой духовный кризис в системе образования, который начался еще в 60-ые – 70-ые годы XX века, в конце столетия коснулся и российского общества» [1]. На каком же противоречии основан этот кризис в чём он заключается? По мнению вышеприведённого автора, это противоречие между традиционной отечественной системой образования, которая была основана на принципах Просвещения и была направлена на «сохранение и воспроизводство духовного опыта, социализацию личности» [Там же]. В условиях современного глобализированного информационного общества она стала «менее эффективной».

Далее автор делает вывод о том, что в конце XX – начале XXI века произошла некая «революция» в образовании и что она была «обусловлена кризисом классической и постклассической систем образования и их традиционных принципов – фундаментализма и академизма» [Там же]. Любопытно отметить, что термин «фундаментализм» здесь используется в совершенно нестандартном смысле. Сам автор комментирует его следующим образом: «Фундаментализм (от лат. *Fundamentum* – основание) как философско-методологический принцип в науке и образовании предполагает, что есть некое базисное ядро знания, обращение к которому позволяет гарантированно решать многие задачи» [Там же]. Автор не приводит ссылки на источник такой экзотической трактовки специального термина, но, судя по остальному тексту статьи, далее его придерживается.

Чтобы не быть обвинённым в эксплуатации одиночной ошибки отдельно взятого автора, приведём ещё примеры. Например, в посвящённой схожей проблеме статье «Интеграция фундаментализма с профессиональной направленностью высшего технического образования», авторы, отмечая примерно ту же самую проблему, что и автор приведённого ранее примера, заявляют: «Фундаментализм с профессиональной направленностью обучения является ключом к построению единой системы высшего... образования» [2]. Более того, фундаментализм и профессионализм как различные направления в образовании оказываются противопоставленными авторами. То есть, по мнению авторов, существуют две направленности образования: фундаментальная и профессиональная, и в настоящее время эволюция образования приводит к вытеснению первой и доминированию второй.

Подобные примеры не являются единичными.

Термин «фундаментализм» в науке закрепился в конце XIX века и имеет совершенно другое значение. Понятие «фундаментализм» было сформировано в герменевтике и его значение было узкоспециализированным: это буквальное толкование религиозного текста в рамках той или иной традиции [3]. Впервые фундаменталисты оформились как общественное движение в конце XIX в. В США. Вскоре после своего появления фундаменталисты начали проявлять себя как активная общественная сила, включившись в борьбу в сферах, не входящих непосредственно в религиозные дискуссии. Например, именно фундаменталисты составили мощную и активную оппозицию идеям эволюционной биологии и даже смогли добиться запрета на преподавание теории эволюции в некоторых штатах в 1925 г. Именно в свете нашумевших событий почти столетней давности слово «фундаментализм» получило своё ярко выраженное негативное звучание, ассоциируясь с обскурантизмом, иррациональным противостоянием либерализации.

Хотелось бы подчеркнуть, что негативное восприятие, хоть и субъективно, но всё же является вполне официальным. Так, в докладе Рабочей группы ООН по вопросу о дискриминации женщин содержится недвусмысленное заявление:

«Серьезный откат назад в деле защиты прав женщин наблюдается во всех регионах мира. Это происходит в условиях роста фундаментализма...» [4]. То есть для ООН фундаментализм – угроза развитию.

Встретим ли мы трактовку термина «фундаментализм» хотя бы в некоторой степени схожую с приведёнными в начале статьи примерами в англоязычной литературе? Авторам ни одного подобного примера найти не удалось. Напротив, термин в научных статьях используется строго в своём исходном религиозноведческом и герменевтическом смысле.

«Религиозный фундаментализм сыграл значительную роль в современной консервативной атаке на государственное образование» [5]. Автор призывает заинтересованным даже в «ограниченной степени либерального или прогрессивного образования...понять природу и последствия этого популистского и реакционного социального явления, привлекательность которого усиливается нынешним социально-экономическим кризисом».

Снять сомнения по поводу негативного восприятия фундаментализма как в той или иной степени обскурантистского течения даже в академической среде может аннотация к теме фундаментализма, размещённая одной из коллаборации Монреальского университета: «Современное западное понимание фундаментализма часто ассоциирует его с негативными предположениями о возвращении к основам той или иной системы убеждений» [6]. То есть исследователи исходят из сложившегося негативного восприятия фундаменталистов как обскурантистской религиозной группы.

Итак, из краткого обзора мы можем сделать вывод, что необычное понимание фундаментализма из примеров в начале статьи не встречается за пределами отечественного образовательного дискурса.

К вышеизложенному стоит добавить, что широкой популярности термина «фундаментализм» с конца 1970-х способствовало распространение исламского фундаментализма сначала в Иране, где фундаменталисты пришли к власти в 1979, а затем усиление салафизма в суннитском исламском мире. После терактов 11 сентября 2001 года исламские фундаменталисты получили всемирную и

печальную известность. То есть если даже в академических публикациях оценка фундаментализма а priori негативная, то для широких масс и СМИ само слово «фундаментализм» окрашено в чёрные тона.

В приведённых в начале статьи примерах фундаментализм воспринимается скорее как солидная опора, которая смогла послужить основанием для предотвращения распада ориентированной на идеалы Просвещения классической системы высшего образования. Может быть, в представленных случаях мы имеем дело с обыкновенной ошибкой – не использованием научного термина по назначению? На наш взгляд, это не вполне так, и уже сам факт многочисленности примеров индексируемых научных статей, так единообразно интерпретирующих слово «фундаментализм», говорит о наличии феномена, требующего анализа.

В позиции авторов, дающих понимание фундаментализма как приверженности фундаментальности есть нечто общее. Анализируя ценностные основания и целеполагание современной системы высшего образования, авторы констатируют «наличие проблемы: замены приоритета культурной ценности на приоритет знания» [7]. Иногда можно встретить несколько иную формулировку: замену ценностей или культурных кодов навыками, умениями или компетенциями, hard и soft skills. Философы видят в ситуации ещё более значимую, более острую и фундаментальную проблему: «Идеология и философия образования в современных условиях подверглась мощному влиянию трех факторов – антипедагогике, постмодернизма и глобализма» [8]. Таким образом, мы имеем ярко выраженную установку на неприятие нового витка модернизации, связанной с информатизацией общества и кибернетизацией, обесценивающей сами ценности, на которых покоятся некоторые значимые аспекты традиционной системы образования. Одна из них – ценность знания как такового – требовала от образования быть фундаментальным, и именно возврат к этой ценности некоторые представители отечественного научного сообщества называют фундаментализмом.

Необходимо отметить, что и отечественные специалисты по истории религии время от времени «сдвигают» трактовку фундаментализма. Например, историк Д.А. Головушкин в своей обзорной статье по фундаментализму даже разграничивает фундаментализм и «псевдофундаментализм», характеризуя негативно именно второй: «Совершенно иной, псевдофундаменталистский характер, носят доктрины, движения и практики, которые превращают религию и религиозное в инструмент общественно-политической борьбы и социально-политических технологий» [9]. Исходя из вышеизложенного можно заключить, что и в позиции отечественных историков, и в позиции учёных, занимающихся педагогикой, просвечивает совершенно иная оппозиция в восприятии фундаментализма. Это не «прогресс – возвращение к истокам», а скорее «внешняя форма – внутренний смысл». Именно по второй линии происходит раздел «фундаментализм – псевдофундаментализм».

Если с позицией Д.А. Головушкина можно согласиться, то называть «фундаментализмом» приверженность фундаментальности чего-либо, например, образования, является чистейшей «народной этимологией»: интуитивной, но не имеющей ничего общего с реальным содержанием устоявшегося научного термина. Фундаментализм представляет собой один из потенциальных ответов на вызов модернизации, стоящий перед обществом. Встретившись лицом к лицу с неизбежной необходимостью перемен, с новыми проблемами, настоятельно требующими решения, фундаменталист выбирает опцию возвращения к истокам, к той ситуации, когда подобной проблемы просто не существовало [10].

Подобную же реакцию на вызовы современного информационного общества, в котором ураганные потоки информации делают аккумуляцию знания более не значимой задачей, а трансформация общества высокого потребления девальвировала, а порой и дезавуировала некоторые фундаментальные ценности Эпохи Просвещения. Пандемия COVID-19 только ускорила те процессы, которые уже происходили под влиянием научно-технической революции 4.0. «Система высшего образования сталкивается с

мощной конкуренцией таких альтернатив, как курсы и различные дистанционные практики обучения» [11]. Многие авторы научных публикаций по педагогике и философии образования, признавая проблему, напротив, разрабатывают те или иные модели инновационного развития образования [12], которое позволило бы высшей школе трансформироваться и удовлетворять потребности нового общества через децентрализацию и даже более быструю подготовку профессиональных кадров [13] (вероятно, как раз за счёт устранения «фундаментальности»), говорят об основаниях непрерывного образования [14] или задаются вопросом о связи образования и кризиса личностной идентичности [15].

Авторы представленных нами в начале статьи статей осознанно или бессознательно разделяет весьма часто встречающуюся в академической среде установку на дискредитацию новых процессов как профанации образования (излюбленная антитеза фундаменталистов – «сакральное – профанное»), а ответом на этот процесс должен быть возврат к классической системе фундаментального образования, которая претерпела эрозию в свете институциональных эффектов трансформации общества. Данную позицию в некоторой степени можно охарактеризовать как своего рода академический фундаментализм, хотя и проявляющийся в такой, казалось бы, нехарактерной для фундаментализма области.

Разумеется, необходимо отметить, что подобное расширение трактовки термина «фундаментализм» является в известной степени вольным. В качестве веского возражения против самой идеи академического фундаментализма можно выдвинуть следующий контраргумент: понятие возникло в герменевтике и обозначало учение, опирающееся на буквальное толкование текста.

Исторически понятие «фундаментализм» берёт своё начало в герменевтике, и изначально оно имело сугубо специальное значение, обозначая религиозное учение или течение, опирающееся на буквальное прочтение религиозного текста. К концу XIX в. термин вышел из рамок узкоспециализированной философской и теософской литературы. В настоящее время этим термином обозначают

обширный спектр религиозных и политэкономических убеждений, сводимый к буквальному толкованию определённого текста, признаваемого сакральным или доктрины, почитаемой за таковую; не приемлющих либерализацию и предлагающих решить острые социальные проблемы путём возврата к прошлому, в котором данной проблемы не существовало. К фундаменталистским обычно относят, например, евангелические учения в США, салафизм в суннитском исламе, а также некоторые нерелигиозные учения, например, рыночный фундаментализм в США. Смысл термина стал шире, но, тем не менее, когда мы говорим об американском евангелическом фундаментализме, мы указываем, что фундаменталисты требовали вернуться к буквальному толкованию евангелических текстов. Когда мы говорим о салафитах, то эти фундаменталисты требуют возврата к «чистому» исламу, что включает в себя буквальное истолкование Корана и Сунны. Расширяя понятие «фундаментализм» на нерелигиозные учения, мы также видим тексты, буквального следования которым фундаменталисты упорно требуют. Например, рыночные фундаменталисты сакрализуют тексты классической экономической теории и считают отход от буквально пониманием принципов свободного рынка причиной экономических бед и несчастий. Но о чём же может идти речь в академическом фундаментализме?

Однако многие другие признаки фундаментализма: стремление решить острые социальные проблемы, порождённые модернизацией, путём возврата к упрощённому и идеализированному прошлому, когда самих проблем не было или они не осознавались, сакрализации практик и институтов прошлого и другие признаки.

Исходя из вышеизложенного, академический фундаментализм не вполне обосновано называть сложившимся феноменом, хотя некоторые признаки его прослеживаются. Также стоит отметить некорректное использование некоторыми авторами термина «фундаментализм» как производного от «фундаментальности», что совершенно не соответствует смыслу сложившегося в науке и философии специфического термина.

Список литературы

1. Галяс И.А. Академизм и фундаментализм как атрибуты современного образования в России // Проблемы и приоритеты развития науки в XXI веке: сб. науч. ст. Смоленск: Новаленсо, 2017. 168 с.
2. Масленникова Л.В., Фомин А.П., Майков Э.В. Интеграция фундаментализма с профессиональной направленностью высшего технического образования // Интеграция образования. 2000. N 3. С. 68-71.
3. Волобуев А.В. Становление и развитие евангелического фундаментализма в США // Вестник Московского Государственного Университета Культуры и Искусств. 2018. N 1(81). С. 82-88.
4. Рост фундаментализма и консервативных идеологий оборачиваются нарушениями прав женщин во всем мире // Организация Объединенных Наций. Официальный сайт. 2018. 22 июня. URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/06/1332952> (дата обращения: 09.12.2021).
5. Knight J. Fundamentalism and education: A Case-study in Social Ambiguity // Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education. 1985. N 2. P. 19-38.
6. Fundamentalism // McGill University. Official Website. URL: <https://www.mcgill.ca/peer/key-terms-and-resources/key-terms/fundamentalism> (дата обращения: 10.11.2021).
7. Ручин В.А. Светский и религиозный аспекты современного образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. N 2. С. 55-60.
8. Зорина Е.В., Яковлева Л.Е. Особенности образовательной системы в современном мире: истоки трансформации // Дизайн и технологии. 2015. N 47(98). С. 138-146.
9. Головушкин Д.А. Православный фундаментализм: возвращение к осмыслению // Философская мысль. 2016. N 1. С. 111-155.
10. Religious fundamentalism salvation or a threat to the modern world? / N.A. Orekhovskaya, A.V. Volobuev, N.N. Kosarenko, V.L. Zakharova, V.A. Shestak, Y.N. Sushkov // European Journal of Science and Theology. 2019. Vol. 15. N 4. P. 61-70.
11. Евзрезов Д.В., Майер Б.О. «Образование 2030» — вызов системе образования. 2. Форсайт образования — смена модели детства? // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. N 2(18). С.133-149.
12. Корниенко Н.А. Каким быть образованию в XXI веке? // Философия образования. 2020. Т. 20. N 2. С. 100-116.
13. Некрасова К.Д., Кошелева А.О. Совмещение традиций и инноваций в педагогическом образовании высшей школы // Традиции и инновации в педагогическом образовании : сборник научных трудов V Международной конференции, Екатеринбург, 06 апреля 2019 года / Научный редактор: Ю.Н. Галагузова. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2019. С. 41-42.
14. Субетто А.И. Ноосферные основания непрерывного образования в XXI веке // Непрерывное образование: XXI век. 2016. N 2(14). С. 2-12.
15. Петрова Г.И. Решает ли современное образование проблему кризиса личностной идентичности? // Философия образования. 2020. N 2. С. 117-130.

References

1. Galyas I.A. Akademizm i fundamentalizm kak atributy sovremennogo obrazovaniya v Rossii. In: *Problemy i priority razvitiya nauki v XXI veke*. The collected scientific papers. Smolensk: Novalenso; 2017. 168 p. (In Russ.).
2. Maslennikova L.V., Fomin A.P., Maikov E.V. Integratsiya fundamentalizma s professional'noi napravlennost'yu vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya. *Integratsiya obrazovaniya*. 2000;(3):68-71. (In Russ.).

3. Volobuev A.V. Formation and development of evangelical fundamentalism in the United States of America. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv.* 2018;(1):82-88. (In Russ.).
4. *United Nations. Official Website.* Rost fundamentalizma i konservativnykh ideologii oborachivayutsya narusheniyami prav zhenshchin vo vsem mire. 2018. Available from: <https://news.un.org/ru/story/2018/06/1332952> (accessed 09 December 2021). (In Russ.).
5. Knight J. Fundamentalism and education: A Case-study in Social Ambiguity. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education.* 1985;(2):19-38.
6. *McGill University. Official Website.* Fundamentalism. Available from: <https://www.mcgill.ca/peer/key-terms-and-resources/key-terms/fundamentalism> (accessed 10 November 2021).
7. Ruchin V.A. The secular and the religious aspects in modern education. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 2013;13(2):55-60. (In Russ.).
8. Zorina E.V., Yakovleva L.E. Osobennosti obrazovatel'noi sistemy v sovremennom mire: istoki transformatsii. *Dizain i tekhnologii.* 2015; (47):138-146. (In Russ.).
9. Golovushkin D.A. Pravoslavnyj fundamentalizm: vozvrashhenie k osmysleniju. *Philosophical Thought.* 2016;(1):111-155. (In Russ.).
10. Orekhovskaya N.A., Volobuev A.V., Kosarenko N.N., Zakharova V.L., Shestak V.A., Sushkova Y.N. Religious fundamentalism salvation or a threat to the modern world? *European Journal of Science and Theology.* 2019;15(4):61-70.
11. Evzrezov D.V., Mayer B.O. "Education 2030" - call the education system 2. Foresight of education - change model of a childhood? *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* 2014;(2):133-149. (In Russ.).
12. Kornienko N.A. What is education in the XXI century? *Philosophy of education.* 2020;20(2):100-116. (In Russ.).
13. Nekrasova K.D., Kosheleva A.O. Combining tradition and innovation in teacher education. In: Ju. N. Galaguzova (ed.) *Tradicii i innovacii v pedagogicheskom obrazovanii: Proceedings of the V International Conference, Ekaterinburg, 06 April 2019.* Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2019. p. 41-42. (In Russ.).
14. Subetto A.I. Noosphere foundations of lifelong learning in XXI century. *Lifelong education: The 21st century.* 2016;(2):2-12. (In Russ.).
15. Petrova G.I. Does the modern education solve the crisis of personal identity? *Philosophy of education.* 2020;(2):117-130. (In Russ.).

Информация об авторах | About the authors

Волобуев Алексей Викторович, кандидат философских наук, доцент, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: avvolobuev@fa.ru

Кузина Елена Сергеевна, старший преподаватель Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: eskuzina@fa.ru

Alexey V. Volobuev, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: avvolobuev@fa.ru

Elena S. Kuzina, Senior Lecturer at the Department of Humanities of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: eskuzina@fa.ru

Волобуев А.В./ Alexey V. Volobuev – SPIN-код: 4898-1521

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.01.2022

Подписана к печати (published): 28.02.2022